

Любовь Земная

Видящая воспоминания

18+

Любовь Земная

Видящая воспоминания

<https://litres.ru/74619393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Милана приехала в большой город, работает секретарём. У неё есть странность, о которой она не говорит никому: если долго держать человека за руку, к ней приходит чужая память.

Кирилл — альфа стаи оборотней. Он узнал в ней свою, единственную, ту, которую волк ищет всю жизнь и находит один раз. Вот только в стае каждому щенку вбивают в голову одно правило: волк не берёт в пару человека. За это отзывают альфу, а женщину уводят с земли стаи так, что её больше никто и никогда не находит.

Он не собирается её отпускать. Она не знает, с кем связалась. А в стае уже четыре года ждёт своего часа тот, кто хочет занять его место и понял, что человеческая девушка — самый удобный нож.

Одна ночь в клубе. Одна квартира в центре, купленная молча, без объяснений. Один закон, который придётся нарушить. И дар, который Милана всю жизнь считала своей болезнью, — он один и скажет ей, кто она на самом деле.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Любовь Земная

Видящая воспоминания

Глава 1

В клубе было тесно и жарко. Гремела весёлая музыка, яркие всполохи прожекторов били в глаза. Воздух пах коктейлем, духами и чужими разогретыми телами. За столиком сидели красивые девушки. Лёд в бокале таял быстрее, чем Милана успевала пить.

Подруга отмечала день рождения и уже забралась на диван с бокалом, смеясь и пританцовывая, браслеты на её руке звенели в такт. Милане было весело, она ждала этого вечера весь месяц, короткое обтягивающее платье переливалось ярко-красным, а туфли жали так приятно. Сегодня Милане была счастлива.

За столом говорили все разом. Рыжая тянула её танцевать, кто-то выставил шоты, и они чокались, проливая себе на пальцы. Подруги вспоминали выпускной и хохотали над историей, которую рассказывали уже третий раз и в третий раз не с начала. Милана смеялась громче всех, запрокинув голову к потолку, и в этот вечер, за этим столом чувствовала себя почти счастливой.

Именно такую её и поймали.

Он стоял у края танцпола и не танцевал. Высокий, мускулистый, во всём чёрном, жгучий брюнет с щетиной. Толпа обтекала его, как вода камень. Милана почувствовала взгляд раньше, чем увидела глаза.

Взгляд шёл по ней медленно, как ладонь: по бокалу в её руке, по губам, которые ещё смеялись, по шее, по ключице, по бретельке, вжавшейся в плечо. Он смотрел, как она хохочет, и губы у него при этом не двигались. Он не улыбнулся, не кивнул, не поднял свой бокал в ответ. Так смотрят на еду, когда голодны. Так смотрят, когда уже решили.

Смех застрял у Миланы в горле. И тут же она поняла, что он стоит здесь давно: всю песню, а может, две, а может, с самого первого тоста, и всё это время смотрит только на неё, пока подруги хлопочут вокруг стола и ничего не замечают. Кожа на плече стала горячей, будто к ней уже прикоснулись. Рыжая что-то спросила, и Милана кивнула наугад, не разобрав ни слова.

Она поставила бокал на стол, не допив, и стала ждать, сама не зная чего.

Глава 2

Кирилл приехал в клуб по делу и собирался уйти через полчаса.

Музыка била по нервам ровным тяжёлым пульсом. Воздух был перегрет и пропах всем сразу: коктейлем, лаком для волос, разлитой текилой, человеческим возбуждением. Волк ворочался под кожей, как зверь в тесной клетке, и Кирилл привычно держал его на коротком поводке. Так он жил последние годы: ровно, глухо, на поводке.

Потом поводок лопнул.

Запах пришёл между двумя тактами, слабый, будто сквозь стену. Тёплая кожа. Разогретое вино на губах. Глубже, под этим, ток крови, ровный и частый, как будто в двух шагах от него бьётся маленькое сердце.

Волк встал во весь рост.

Кирилл знал это чувство по чужим рассказам и не верил ни одному слову. Старики говорили: узнаешь и обмануть себя уже не сможешь, и легче от этого не станет. Он тогда посмеялся. Сейчас под рёбрами толкнуло так, что он сжал кулак и загнал ногти в ладонь. Зубы удлинились на пол-линии, в горле стало жарко и тесно. Он опустил голову, сосчитал до десяти и только потом позволил себе поднять глаза.

Она сидела за столом на диване с подругами. Красное платье, короткое, тугое. Запрокинутая голова, смех, от которого

вздрагивали плечи. Кто-то выставлял на стол шоты, и вся эта компания ничего не замечала вокруг.

Моя.

Слово пришло раньше объяснений. Короткое, звериное, без пощады. Моя. Истинная. Кирилл стоял у края танцпола и слышал, как внутри рвётся и перестраивается что-то старое, глухое, годами запертое на замок. Волк тянул к ней всем нутром, как тянут к воде, к снегу, к мясу.

Он смотрел, как она смеётся, и это было хуже всего. Она откидывала голову и открывала горло, и он видел, как под кожей ровно бьётся жилка. Он рассмотрел бретельку, вжавшуюся в плечо, каплю коктейля в углу губ, прядь на виске. Зверь внутри учил его всему сразу, без слов: подойти, взять, унести, не отдавать, рвать всякого, кто коснётся. Кирилл не двигался. Альфа не идёт на чужой смех, альфа решает, и зверя он пока держал.

Парень за соседним столом обернулся и посмотрел на неё через плечо, лениво, как смотрят на то, что уже скоро будет под ним. Волк рванулся так, что у Кирилла потемнело в глазах. Жёлтый блеснул в зрачках, он чувствовал. Пришлось снова считать: раз, два, три, вдох.

Она почувствовала. Он увидел, как смех у неё оборвался на середине, как она поставила бокал, не допив, и лёд звякнул о стекло. Рука у неё дрогнула. Она ещё улыбалась подругам и кивала, но улыбка стала другой, и по спине у неё прошло то же самое, что рвалось у него под рёбрами.

Хорошо. Пусть знает, что за ней теперь смотрят.

Он вспомнил, зачем приехал сегодня, и впервые за много лет это не имело никакого значения. Толпа перед ним расступилась сама, как расступается перед тем, кому уступают дорогу без приказа.

Кирилл шагнул вперёд.

Глава 3

Кирилл шёл к её столу.

Первой его заметила рыжая. Она осеклась на середине фразы, толкнула подругу локтем, и обе уставились на него, как смотрят на афишу. Милана обернулась последней.

Он остановился у края дивана, ровно на расстоянии шага, и ближе не подошёл. Отсюда он слышал всё: шум, музыку и её дыхание.

— Я Кирилл, — сказал он.

Она подняла на него глаза. Бокал в её руке был почти пуст, лёд растаял на дне тонкой лужицей.

— Милана, — ответила она. — И что дальше?

Он видел, как она держит плечи и как старается говорить ровно. Он видел жилку у неё на виске, и мелкую испарину над губой, и то, как она на секунду отвела взгляд и вернула его обратно. Между ними лежал стол: бокалы, чужие сумочки, тарелка с орехами. Всё это казалось ему мусором, который надо убрать.

— Дальше один танец.

Рыжая фыркнула и что-то зашептала подругам. Именинница улыбнулась ему открыто и оценивающе, как улыбаются чужой удаче.

— Я не танцую с незнакомыми, — сказала Милана.

— Теперь мы знакомы.

— А если не хочу?

— Тогда скажешь нет. И я уйду.

Она молчала, и он молчал, и в этом молчании музыка успела смениться. Подруги за её спиной притихли и смотрели на обоих, как на что то очень интересное. Милана поставила бокал на стол, подумала секунду и поднялась.

Он протянул ладонь. Она посмотрела на неё дольше, чем требовалось, и всё-таки вложила пальцы.

И только тогда, когда её рука легла в его, Кирилл понял, что до этой секунды держался из последних сил. Жар пошёл от ладони к плечу и дальше, под рёбра, где сидел зверь. Зверь не рванулся. Впервые за много лет он лёг, положил голову и признал: вот она.

Милана вскинула голову, будто услышала что-то за спиной, и посмотрела на него так, как смотрят в знакомое лицо, которое никак не вспомнить. Пальцы у неё дрогнули, но руки она не убрала. Этот взгляд он запомнил.

— Милана! — крикнула ей вслед именинница.

— Один танец, — ответила она, не оборачиваясь.

Он провёл её через танцпол туда, где прожекторы резали воздух белыми полосами. Люди разошлись, освобождая им место, и Кирилл положил ладонь ей на талию, чуть выше, чем полагалось. Под ладонью был тонкий шёлк платья и живое тепло. Милана вскинула подбородок и положила руку ему на плечо.

Она танцевала хорошо. Она двигалась вплотную и смот-

рела на него в упор, не отводя глаз, и он вёл её, крепче держа, чем требовал танец. Красный шёлк скользил под его пальцами, музыка била в грудину, а зверь внутри лежал тихо и ждал. Ждать он умел.

Глава 4

Его ладонь лежала у неё на талии и шёлк платья под ней давно стал горячим. Музыка она уже не разбирала, лица вокруг расплывались, и чётким оставалось одно лицо, которое смотрело на неё в упор.

Он вёл, она шла за ним шаг в шаг и в какой-то момент поймала себя на том, что ей хорошо. Слишком хорошо, до неприличия, до мурашек.

Потом свет поплыл.

Он не погас. Просто прожекторы расплылись белыми пятнами, музыка ушла на глубину, под воду, и стало тихо, как в ватной комнате. Милана ещё держалась за его плечо и не заметила, как вцепилась в него, будто в перила. Взор заволокло, как заволакивает стекло паром, и она даже не успела испугаться.

Вместо клуба пришла зима.

Снег. Узкий двор, стиснутый заборами и гаражами, фонарь над дверью, жёлтая лужа света на сугробе. Милана стояла в этом дворе совсем низко над землёй, и это было неправильно: перед глазами качалась мокрая от снега, серая, тёплая шерсть на своих же лапах, а холод шёл в морду через длинный нос, в носу стоял запах ржавого железа.

Она была не она. Она была чужими глазами.

Из темноты на него шёл зверь. Огромный, тяжёлый, се-

рый, куда больше любой собаки, и глаза у него были жёлтые, и он не рычал. Он бросился молча, и от удара у Миланы лязгнули зубы. Дальше всё сделалось быстро и грязно: снег под лапами, ярость, горячее в горле, чужой загрибок в зубах, хруст, которого она не слышала, а почувствовала костями. Чужое лицо в крови. Вкус меди. Собственная боль в боку, рвущая, честная, как будто кожу режут изнутри.

Потом белый двор качнулся, и Милана увидела страшное. Серый под ним обмяк, мелко дёрнулся, и шерсть на нём пошла волной. Место, где только что лежал зверь, стало другим, и в снегу остался лежать человек. Молодой, голый, с разбитым в кровь лицом. Он поднял руку и что-то сказал.

Где-то далеко, будто сквозь стену, кто-то звал его. Имя Милана не разобрала.

— Эй.

Чужая память кончилась так же внезапно, как началась. Музыка ударила по ушам, свет хлестнул по глазам, и в нос вернулись парфюм, перегретый воздух и чужая текила. Милана стояла посреди танцпола, вцепившись в плечо мужчины, с которым танцевала, а он держал её за талию и ждал.

— Что с тобой? — спросил он.

Она хотела ответить и не смогла. Ей было нечем дышать, во рту стоял вкус крови, которой не было, а в боку тянуло тупой болью, хотя там ничего не болело. Перед глазами ещё висела белая полоса сугроба и лицо в снегу.

— Закружилась голова, — сказала она. — Душно.

Он не отпустил её. Спросил, не хочет ли выйти, и Милана кивнула быстрее, чем успела подумать.

Она видела чужие воспоминания с самого детства: трогала перила в чужом доме и знала, что под ними плакала женщина; держала за руку одноклассника и знала про его отца то, о чём он сам молчал. Всё это приходило кусками, редко и не вовремя, тихо, буднично, как чужие фотографии в чужом телефоне. И уходило, стоило убрать руку.

Но такого она не видела никогда. Волк. Двор. Снег. Человек в снегу там, где был волк.

Глава 5

Он не повёл её к выходу. Свернул в сторону, и Милана пошла за ним, не спрашивая. В голове всё ещё висел белый двор, в боку тянуло глухой болью, а она шла по клубу и старалась не думать.

Танцпол ревел. Свет падал на людей белыми полосами, чьи-то локти и бока смыкались за спиной, и Милана держалась за его руку, как держатся за поручень в трясущемся вагоне. У лестницы стоял лысый мужчина в чёрном пиджаке, сказал что-то короткое, и Кирилл, не останавливаясь, посмотрел на него один раз. Мужчина шагнул в сторону и пропустил их.

Ступени были в ковре, перила лакированные, музыка осталась внизу и глухо била через перекрытие. Второй этаж оказался тёмным и пустым: длинный коридор, двери, и только за одной из них, в самом конце, горел свет.

Он открыл её, пропустил Милану вперёд и повернул в замке ключ.

Тишина ударила по ушам, как вода. Музыка здесь превратилась в ровное сердцебиение сквозь стену, и стало слышно всё остальное: как гудит холодильник за барной стойкой, как звякает лёд в ведёрке, как у неё самой шумно выходит воздух из груди.

Длинный диван из чёрной кожи, низкий столик, бутылка

в ведёрке, два стакана, которые никто не наливал. И стена во всю ширину, от пола до потолка, стеклянная, а за ней сверху вниз, далеко под ногами, шевелился танцпол. Люди внизу двигались медленно и мелко, как рыбы в аквариуме, и их крик не доходил сюда совсем.

Милана подошла ближе к стеклу и увидела себя: красное платье, бледное лицо, чужой посветлевший взгляд.

— Пить будешь? — спросил он за спиной.

— Нет.

Она обернулась. Он стоял у дивана и смотрел на неё. Пиджак он снял и бросил на подлокотник, рубашка на нём была чёрная, рукава закатаны до локтя, и Милана увидела то, чего не было видно в клубе: жилы на предплечьях, ссадину на костяшке, старую, заросшую.

Она вспомнила, как в чужой памяти хрустнуло под зубами.

— Ты меня боишься? — спросил он.

— Нет, — сказала Милана и в первый раз за вечер себе поверила.

Он шагнул к ней и остановился близко, так, что она слышала, как он дышит. Пальцы легли на её подбородок и подняли лицо. Он смотрел на её губы дольше, чем нужно, и Милана уже хотела сказать что-нибудь злое, чтобы прекратить это, когда он её поцеловал.

И всё, что оставалось в голове вылетело.

Он целовал долго, сначала сдержанно, будто пробуя, будто

всё ещё давал ей время уйти, и она почувствовала, сколько в нём этой сдержанности. Потом его рука ушла под волосы на затылке, сжала, и стало нечем дышать: губы, зубы, вино и металл на языке. Милана положила ладони ему на грудь, нащупала пуговицы. Он поднял её, она качнулась на каблуках и вцепилась ему в плечи, а он донёс её до стены и прижал спиной к холодному стеклу.

Её ладонь сползла вниз, к расстёгнутому вороту, и легла на голую кожу у него за пазухой.

И пришло.

Холод, тесное, тёмное, запах железа и мокрой шерсти, где-то очень далеко кто-то крикнул, и в этом крике был страх. Милана отняла руку так резко, будто обожглась.

Он замер.

— Что такое?

— Ничего. — Она сама вцепилась в его рубашку, чтобы руки не дрожали.

Он не улыбнулся и не сказал ни слова. Он держал её, смотрел в лицо жёлтым, сузившимся зрачком. Ей было всё равно, что там за стеклом и что у неё в голове. Платье задралось на бедре.

Он нашёл губами её шею, и Милана услышала, как у неё самой вырывается короткий, совершенно чужой стон.

Он остановился, вдохнул у неё под ухом и спросил низким, каким-то сорванным голосом:

— Ты уверена?

Милана вместо ответа потянула его рубашку из брюк.

Глава 6

Он сам расстегнул ремень, и пряжка щёлкнула громче, чем музыка за стеной.

Под рубашкой оказалась горячая кожа и твёрдый мускулистый живот. Милана положила обе ладони ему на грудь и медленно провела вниз, по тёмным волосам, по шраму у ключицы, по животу.

Кирилл приподнял и положил ее на диван, кожа оказалась холодной. Милана вскрикнула и засмеялась, в первый раз за весь вечер по-настоящему, и он поймал этот смех губами.

Дальше стало не до смеха. Он нашёл молнию у неё на спине и потянул вниз, медленно, зубчик за зубчиком, и от этой медленности у Миланы свело живот. Платье поползло с плеч, красный шёлк лёг на пол, следом туда же туфли. Он взялся за бретельку белья и стянул её вниз, обнажив грудь, и Милана впервые в жизни почувствовала, что на неё смотрят так, как смотрят на то, что навсегда твоё.

Он наклонился и взял сосок губами. Милана выгнулась и зарылась пальцами ему в волосы. Кирилл стал спускаться ниже: по рёбрам, по животу, языком по кромке белья.

Пальцы сползли ей между ног, и она слышала, как сама застонала, не успев прикусить губу. Он провёл по мокрому один раз, другой, раздвинул и вошёл двумя пальцами, и Милану выгнуло на холодной коже. Ей было стыдно, это ее пер-

вый раз, но до какой степени она готова. Он подцепил зубами кромку её белья, потянул вниз, и она подняла бёдра, чтобы помочь, а потом бельё полетело куда-то в темноту.

Кожа под ней нагрелась. Она тёрлась лопатками о диван, ловила руками его плечи и не находила, за что ухватиться, потому что всё было скользкое и живое. Под правой ладонью, под рёбрами, у него шла белая полоса старого шрама, длинная, кривая, как след от удара.

— Это откуда? — выдохнула она.

— Старое, — сказал он и поцеловал её в живот, чтобы она больше не спрашивала.

Он поднялся над ней, сдвинул брюки вместе с бельём, и Милана увидела его всего: тёмного, тяжёлого, готового, с блестящей головкой, и от этого её собственное тело сжалось. Он устроился между её бёдер, лег на неё, упёрся головкой у входа.

— Если я начну, — сказал он в самое её ухо сорванным, чужим голосом, — останавливаться будет поздно.

— Тогда начинай, — сказала Милана и обхватила его ногами за бёдра.

Глава 7

Он не улыбнулся. Он опустил голову к её шее, и вошёл.

Не сразу. Головка проходила с трудом, растягивая медленно лоно, миллиметр за миллиметром, и Милана задохнулась. Резкая, боль прошла насквозь, до пяток, до крови в губах, потому что она закусила их, чтобы не закричать. Пальцы у неё вцепились ему в плечи, ноги дёрнулись, и он остановился.

Она почувствовала, чего ему это стоило. Он дышал, упираясь лбом ей в плечо, всё тело под её ладонями было натянутым, как канат, и под ребрами у него что-то глухо работало, будто там внутри жгло.

— Больно, — прошептала она честно.

— Тшш. — Он не двинулся. — Скажи, когда можно.

Он остался в ней, продвинулся на сантиметр. Милана откинула голову на кожу дивана, посмотрела вверх, в тёмный потолок. Он целовал её под ухом, в висок, в уголок губ. Потом его рука сползла вниз и легла на неё там, где было острее всего, и начали двигаться его пальцы, а не он сам.

Постепенно боль отпустила. Место боли заняла тяжесть, полная, до края, и Милана в первый раз осторожно повела бёдрами навстречу. Он застонал ей в шею, коротко и некрасиво, как будто рвался с привязи, и толкнулся глубже.

Он двигался медленно, длинными движениями, почти на

выход и обратно, и с каждым разом она слышала собственный вдох всё громче. Кожа дивана нагрелась под ней и стала скользкой, лопатки ездили по ней и Милана упёрлась пятками ему в поясницу, чтобы он не смел останавливаться. Он и не собирался. Всё, что было в нём сдержанного, кончилось где-то в первом же толчке: теперь он хрипел, вжимал её в диван и держал за бедро так, что останутся следы.

Он взял её сосок зубами, потянул, и от боли и жара Милана застонала в голос, уже не сдерживаясь. Плевать было на людей за стеной, плевать на весь клуб.

Кирилл перевернул её на живот. Кожа ударила холодом по груди и животу, а сзади он уже был у неё между ног, нашёл вход с первого раза и вошёл снова, теперь глубже и совсем иначе. Милана схватилась за край дивана, уткнулась лбом в собственное предплечье и услышала, как под их тяжестью скрипит и стонет чёрная кожа. Он тянул её за бёдра на себя, и от каждого толчка её прошивало насквозь, до того места в самом низу живота, от которого начинали трястись ноги.

Он вошёл в неё до упора, опустил на неё сверху, лёг грудью ей на спину. Милана почувствовала, как его губы прошли по её шее, как остановились там, где бьётся жилка, и как зубы на секунду прижались к коже. Ровно на секунду. Потом он сжал зубы на коже дивана рядом с её плечом, задохнулся и снова выпрямился.

На спину Милане легла тяжёлая горячая ладонь, прижавшая её к коже.

— Тише, — сказал он хрипло, будто это она рвалась куда-то. — Не дёргайся.

Он вышел из неё медленно, до конца. Осталась только головка, растянувшая вход изнутри, и Милана задохнулась от пустоты, от того, как сразу стало холодно и пусто там, где секунду назад было полно.

А потом он вошёл обратно. Одним движением, до упора, и это было уже совсем не то, что в первый раз.

Первый раз был болью. Теперь она была мокрой и изнывала от наслаждения, член прошёл в неё длинно, туго, обжигая, раздвигая стенки, которые сжимались вокруг него и не хотели отпускать. Милана почувствовала его целиком: как головка идёт по передней стенке, как трётся о неё, как от этого тянущее, сладкое отдаётся в самый низ живота. Кожа дивана была под её щекой, и Милана слышала свой голос со стороны, короткий, сорванный стон.

Он вышел почти совсем и вошёл снова. И снова. Каждый раз до конца, каждый раз медленно, будто он нарочно тянул. Его пальцы впились ей в бедро, второе бедро он держал ладонью, поворачивая её под себя, как хотел, ставя под нужным углом. Он трахал ее жадно и страстно, и от каждого толчка её прошивало насквозь, до самых пяток, до онемевших пальцев на ногах.

Кожа скрипела и стонала под ними. Милана уткнулась лбом в предплечье, закусил его и стала толкаться ему навстречу, сама.

Внутри у него что-то низко заворчало, будто в груди сидел ещё кто-то. Он ускорился, теперь это был уже рваный, жадный ритм.

Кирилл наклонился вперёд, взял за плечи и потянул на себя. Милана поднялась, села на пятки, откинулась спиной ему на грудь, и он вошёл в неё снова, теперь ещё глубже, и она увидела белые пятна перед глазами. Одной рукой он держал её поперёк груди, второй спустился по животу вниз, к тому месту, где всё горело, и стал гладить её там, в такт.

Его рот был у самого её уха, дыхание сбивалось и жгло шею.

— Так, — сказал он. — Вот так.

Милана повернула голову и нашла его губы, неуклюже, через плечо, и он поцеловал её, прикусил нижнюю губу. Внутри его член толкался, бился до упора, шлепки разносились звоном по всей комнате, что-то начало подниматься из самого низа живота.

Она вцепилась ему в предплечье обеими руками. Ещё секунда, ещё один толчок....

Глава 8

Это шло не из-под его пальцев, а из глубины, куда он бился членом. Милана выгнулась у него на груди, вцепилась в его предплечье и закричала в голос. Внутри всё сжалось вокруг него, разом, сильно, и он это почувствовал.

— Вот так, — прохрипел он ей в ухо.

Он не остановился и не сбавил хода. Толчок за толчком, а его пальцы всё гладили её, пока у неё не начало сводить всё снова и снова, длинно, судорогами, она только хрипела и стонала.

Он кончил позже. Ритм сломался, стал сумасшедшим, каким-то нерасчётливым, шлепки по коже слились в один сплошной звук, а дыхание у него пошло рваное, как у загнанного зверя. Заворчало у него в груди, уже не низко, а громко. Милане показалось даже, что по её спине прошло тёплое содрогание, будто под кожей у него что-то дёрнулось.

Он вышел из неё последним усилием, и сразу за этим по её пояснице и бедру хлестнуло горячим.

Кирилл застонал, уткнувшись ей в затылок, тяжело, глухо, и ещё раз, и ещё, пока его не выкрутило всего, до последней судороги. Его рука держала её поперёк груди, потом он обмяк и навалился на неё, они оба съехали вниз, грудью на кожу дивана, мокрые и липкие.

Сквозь стену, через перекрытие, ровными толчками была

музыка. Внизу, под ними, продолжал шевелиться танцпол, и никому из этих людей не было дела до того, что произошло здесь, наверху, за стеклом.

Милана лежала лицом на коже, слышала, как колотится её сердце, и не могла поверить, что это она, что всё произошло с ней. Её всю трясло, крупно, от бёдер до зубов, и она повернула голову слабо стукнув зубами.

Кирилл поднялся на локте, посмотрел на её спину, на поясницу, и без слов потянулся за упавшей рубашкой. Вытер её бережно, будто боялся раздавить, потом отбросил рубашку на пол и сел, поднимая её на себя. Милана оказалась у него на коленях, боком, прижатая к тёплой груди, и в этой позе наконец смогла дышать.

Он взял бутылку из ведёрка, открутил, налил в стакан воды и поднёс ей к губам. Она выпила весь стакан и только после этого поняла, какая сухость у неё во рту.

— Больно? — спросил он.

— Немного. — Милана прислонилась виском к его плечу.

Он погладил её по спине, от шеи до поясницы, без всякой спешки. Сначала она подумала, что это ласка, потом догадалась, что он так проверяет, всё ли в порядке.

Напротив, в стеклянной стене, они отражались вдвоём, и Милана не сразу узнала себя в этой растрёпанной женщине на чужих коленях. Она поискала глазами танцпол, нашла свой стол у стены и подруг, которые ничего не знали. Ничегошеньки.

Он посмотрел туда же, куда и она. Потом его глаза прошли по её шее, справа, где минуту назад у неё на коже были его зубы, и задержались там.

— Что? — спросила она.

— Ничего. — Он прижал её крепче. — Всё хорошо.

— Теперь рассказывай, — сказал он, когда она вернула ему пустой стакан.

— Что рассказывать?

— Кто ты.

— Милана. Я тебе уже говорила. — Она подтянула к себе его пиджак и накинула на плечи, потому что стало холодно. — Двадцать три, работаю секретарём. Отвечаю на звонки, варю кофе директору, распечатываю бумаги, которых не читаю. Приехала сюда три года назад из маленького города, пять часов на автобусе, если без пересадок. Снимаю комнату у хозяйки, которая считает, что я трачу молодость. Достаточно?

— Здесь с кем?

— Подруги вон там, внизу. — Милана кивнула на стекло, за которым шевелился танцпол.

Он не ответил и не улыбнулся. Пальцем провёл у неё по колену, вверх и вниз, будто чертил.

— А ты кто? — спросила она. — Кто такой Кирилл, у которого в клубе своя комната со стеклянной стеной, свой человек на лестнице и своё виски, которое никто не пьёт?

— Работаю.

— Заметно. Кем?

— Разное. — Он пожал плечами, и от этого движения у неё под ладонью качнулась тёплая твёрдая грудь. — Клубы, недвижимость, немного людей, которые мне должны.

— Это ответ или отговорка?

— Не ответ и не отговорка. Просто пока не время.

Милана смотрела на него и понимала, что врёт он гладко, без запинки, и что ей это не мешает. Ей вообще было странно хорошо. Она вспомнила снег. Не спросила. Ни про снег, ни про двор, ни про то, откуда у неё в памяти чужой вой.

Он спросил про маленький город, и она рассказала: про мать, которая до сих пор звонит по воскресеньям, про школу, где она писала сочинения лучше всех и слушала, как их читают вслух. Он слушал, не перебивая, и его ладонь поднималась по её бедру выше, сантиметр за сантиметром, и Милана, рассказывая про сочинения, уже знала, чем это кончится.

— Иди сюда.

Она перекинула ногу через него, встала коленями на кожу по обе стороны от его бёдер, и пиджак соскользнул с её плеч на диван. Кирилл положил руки ей на поясицу.

Он был уже готов, тяжёлый и горячий, и она взяла его член в ладонь, обхватила, провела по всей длине, видя, как он смотрит на неё снизу и как у него ходит кадык. Приподнялась, приставила головку ко входу и медленно села.

Она думала, что будет больно. Болело, но по-другому: тя-

нуло, жгло, и в то же время по всему телу расходилось тепло, от живота вверх. Она опускалась медленно, миллиметр за миллиметром, чувствуя, как он входит в неё всё глубже, как стенки обхватывают его, как становится тесно и полно. Села до конца, упёрлась ладонями ему в грудь и на секунду замерла, привыкая.

— Не торопись, — сказал он. Голос был сорванный.

Она и не торопилась, потому что не знала, чего ждать от собственного тела. А потом повела бёдрами, и её накрыло.

Дальше она делала то, что хотела. Поднималась и опускалась, всё смелее, потом быстрее, нашла свой угол, тот, от которого тянуло вниз и сводило ноги. Кожа скрипела под её коленями. Его руки лежали у неё на бёдрах, потом поднялись на спину, он больше не направлял её, только держал и дышал через зубы. Милана поднималась и опускалась, и чем дальше, тем меньше оставалось от прежней осторожности. Кожа под коленями скрипела, руки у неё вспотели, волосы липли к щекам. Он взял её за бёдра и стал помогать, подкидывая вверх, член в неё входил глубже. Милана закусила губу, откинула голову закричала не стыдясь.

Внутри него опять начало подниматься то самое, из глубины.

Он это почувствовал по тому, как она сжалась, и заворчал, потянул её на себя, вжимая её бёдра в свои. Она упала ему на грудь, обхватила за шею и кончила, уткнувшись лицом ему в плечо, беззвучно, только зубы сжались на коже. Её вело дол-

го, судорогами, и всё это время он держал её и не двигался.

Отпустило её, и тут же он сдвинул её с себя, в последнюю секунду, и опять по её бедру прошло горячим. Он застонал сквозь зубы, дёрнулся раз, другой и затих.

Милана лежала на нём, мокрая вся, и слушала, как под её щекой колотится чужое сердце, сначала быстро и зло, потом всё ровнее.

Она не знала, сколько так прошло.

Кирилл гладил её по спине, по волосам, и она почти спала, щекой на его плече, когда услышала, как он сказал тихо, будто не ей и не вслух:

— Моя.

У Миланы внутри всё опустилось. Он не спал, он просто говорил в её волосы, спокойно, как о чём-то давно решённом, и от этого ровного голоса ей стало холодно.

Она лежала, не открывая глаз: она не знает о нём ничего. Ни фамилии, ни того, чем он занимается, ни где живёт. У него свой человек на лестнице и своя комната со стеклянной стеной. У него шрам под рёбрами от удара, который она видела, и он сказал ей слово, которое людям не говорят через два часа после знакомства.

Он поцеловал её в макушку, поднял, положил на диван, накрыл пиджаком и сказал:

— Посиди. Я на минуту.

Телефон у него на столике дрогнул и пополз по стеклу. Кирилл посмотрел на экран, надел брюки, шагнул к двери и

вышел, тихо прикрыв её за собой. В коридоре сразу заговорил чужой голос, низкий, короткий, и голос Кирилла ответил ему на полуслове.

Милана полежала ещё секунд десять, глядя в потолок.

Потом она села.

Платье валялось на полу, рядом туфли, она не стала искать бельё: его нигде не было видно. Милана натянула платье через голову, дёрнула молнию на спине, подобрала туфли в руки и на цыпочках пошла к двери.

В коридоре шёл чужой разговор. Милана не стала слушать. Она прижалась к стене, прокралась мимо двери, из-под которой падала полоса света, и дальше, к лестнице, побежала по ней надевая на ходу туфли.

Танцпол её принял и проглотил. Свет бил в глаза, кто-то толкнул её в плечо, чья-то рука мазнула по спине, и Милана шла, опустив голову, как идут через толпу, в которой никому нет дела. У своего стола она на секунду остановилась. Именинница танцевала на диване, рыжая орала что-то в ухо соседке. Никто из них не смотрел в её сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.